

Александр Сокуров. Правила жизни.

Человека, видевшего что-то собственными глазами, — трудно убедить, что этого не было. Для него виденное — свершившийся факт. Кино в этом смысле — страшное оружие.

Мой отец ушел на фронт в 17 лет и вернулся весь израненный. Он не любил игровое военное кино. Человек, видевший войну, не будет потом воспроизводить ее на экране. Ничего красивого в ней нет: танк горит некрасиво, человек, в которого попадает пуля, кричит совсем не то, что кричат в русском кино — даже и у самых борзых молодых режиссеров.

Создавать на экране романтизм смерти, романтизм войны — отвратительное и недостойное мужчины дело.

У нас был спор с Солженицыным. Он говорил, что благодарен годам тюрьмы. Я никогда не соглашался, а говорил: попробуйте лучше представить себе, чего вы лишились.

В России нечего смотреть, это не визуальная страна. Для формирования режиссера идеальнее условий не придумать.

Терроризм — не персонифицированное зло, а следствие пороков огромного числа людей.

Не массы шли за Гитлером и Лениным — а наоборот. Сначала идет преступление народа, а потом появляется небольшой, дурно пахнущий субъект, который этих ослепленных людей куда-то увлекает. И я в этой связи понимаю европейцев, с опаской поглядывающих на Россию. Возникновение нацистского государства — вещь довольно реальная.

Ничто так не развивает человека, как другой человек.

Женщины — феноменальны. У них есть какая-то удивительная способность видеть все со стороны. Мне не приходилось встречать женщин с какой-то затекшей в голове, с тупыми мозгами. У мужчин — сплошь и рядом. Даже жизнь не делает их мудрыми.

Все плохое во мне — от визуального влияния. Все лучшее во мне создано литературой.

Значительное кинопроизведение сегодня можно создать, только открыв Фолкнера, Диккенса и вообще толстый роман. Только там можно теперь испытать волнение и восторг.

Если бы сейчас взять и исключить Москву хотя бы на три-четыре месяца из участия в экономических и политических процессах — мы сразу бы увидели, как изменилась бы страна: в хорошую сторону.

Когда в Петербурге машины сигналият на дороге — все знают, что это люди

из Москвы.

Никогда в жизни не брал деньги в долг. Голодал, страдал — что угодно было, но не брал. Если мужчина не в состоянии решить даже элементарные вещи в своей жизни — как же быть с действительно сложными ситуациями?

Русские живут в несогласии даже со своим организмом.

Страсть русских все копировать — лондонские магазины, французские рестораны, итальянскую архитектуру — как раньше, так и сейчас объясняется только запоздалостью развития. У нас, конечно, есть что-то свое, но это что-то невыраженное, несформулированное. Поэтому и оригинальна в России в первую очередь — музыка: на мой вкус, Глинка и Мусоргский.

Кино никогда не являлось для меня ценностью. Кино — вторичное искусство. Кинематографическая среда для меня чужая: я почти никого не знаю из своих коллег. Кино просто дает мне возможность создавать какие-то вещи.

<http://esquire.ru/wil/alexander-sokurov>